

"TISU ilmiy
tadqiqotlari
xabarnomasi"
ilmiy-uslubiy jurnali

<https://lib.tisu.uz>
ISSN 0000-0000

Саттарова Елена Анатольевна,
доктор философии по филологическим наукам (PhD)
Термезского университета экономики и сервиса
E-mail: sattarova.terdu@gmail.com

ИЗМЕРЕНИЕ И ОБЪЕМ ТИПОЛОГИИ ЭВФЕМИСТИЧЕСКОГО СМЫСЛА РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация: Измерение и объем типологии эвфемистического значения в современной лингвистике предполагает, прежде всего, изучение его эволюции применительно к историческим процессам. В статье рассматривается историческое развитие эвфемии русского и узбекского языков.

Ключевые слова и выражения: эвфемизм, эвфемия, ортология, нейролингвистика, прикладная лингвистика, когнитивная лингвистика, паралингвистика, табу, дисфемизм.

RUS VA O'ZBEK TILLARINING EVFEMISTIK MA'NOSI TIPOLOGIYASINING O'LCHAMI VA HAJMI

Аннотация: Zamonaviy tilshunoslikda evfemistik ma'no tipologiyasining o'lchami va hajmi, birinchi navbatda, uning evolyutsiyasini tarixiy jarayonlarga nisbatan o'rganishni o'z ichiga oladi. Maqolada rus va o'zbek tillari evfemiyasining tarixiy rivojlanishini ko'rib chiqadi.

Калит so'zlar va iboralar: evfemizm, evfemiya, ortologiya, neyrolingvistika, amaliy lingvistika, kognitiv lingvistika, paralingvistika, tabu, disfemizm.

MEASUREMENT AND SCOPE OF TYPOLOGY OF EUPHEMISTIC MEANING OF RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Annotation: The measurement and scope of the typology of euphemistic meaning in modern linguistics presupposes, first of all, the study of its evolution in relation to historical processes. The article examines the historical development of the euphemism of the Russian and Uzbek languages.

Keywords and expressions: euphemism, euphemia, orthology, neuro-linguistics, applied linguistics, cognitive linguistics, paralinguistics, taboo, dysphemism.

Введение.

В последнее время ученые-лингвисты всего мира уделяют особое внимание практическому использованию языковых возможностей создающей силы речи. Интерес к областям прикладной культуры, таким как культура речи, ортология, нейролингвистика, прикладная лингвистика, когнитивная лингвистика, паралингвистика растет с каждым днем. Это связано с тем, что проблема духовной культуры глобально возрастает в результате технического и технологического прогресса. Фокус этих вопросов лежит на развитии речевой культуры человека, коммуникационного потенциала и отношения к языку как средству повышения национально-культурной духовности.

Усиление и распространение роли эвфемизмов, как одного из богатых, красивых и благозвучных выражений языка, становится социальной необходимостью.

Основная часть.

В современном языкознании находят свое применение риторически промежуточные фразы, либо нейтральные слова и выражения, взамен близкой языковой

синонимичной единицы, что является в речевом общении бестактной, грубой, нетактичной, а порою жестокой или даже пошлой. Поэтому при освещении вопросов теоретической части нам потребовалось также выявить содержание понятий «эвфемизм», «эвфемизация», «эвфемия», что требуют специального изучения и описания.

Здесь, как мы считаем, следует обратить особое внимание на определение термина «эвфемизм» российского лингвиста О.С.Ахмановой: «Эвфемизм – это троп, состоящий в непрямом, прикритом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [1, с.521]. Очевидно, что ученая также акцентирует особое внимание на такие определения, как «табуированный перифраз» и «эвфемистический перифраз» [1, с. 312].

Измерение и объем типологии эвфемистического значения в современной лингвистике предполагает, прежде всего, изучение его эволюции применительно к историческим процессам. Несмотря на то, что это весьма сложная сторона вопроса, и долгое время тема эвфемизмов оставалась как в русистике, так и в узбекской лингвистике под определенным запретом. Тем не менее, в практике общения исследуемых языков сложилась определенная система языковых предпочтений носителей языковой культуры – эвфемизмы.

Данная проблема, напрямую касалась сферы жизнедеятельности людей. Слывшие с древних пор как особые, недозволенные, священные, запретные темы для человека, считались более чем недозволенный продукт для общения, поэтому для того, чтобы скрыть негативную речевую особенность, собеседники прибегали к иносказанию.

В зарубежном языкознании эвфемизмы стали изучать с конца XIX века.

В России проблему эвфемизации стали рассматривать в 20-х годах XX века, а в Узбекистане – лишь в 60-х годах XX века. На сегодняшний день, в русском и узбекском языках эвфемизмы и эвфемистические формулировки применяются почти во всех социально-важных областях человеческой жизнедеятельности.

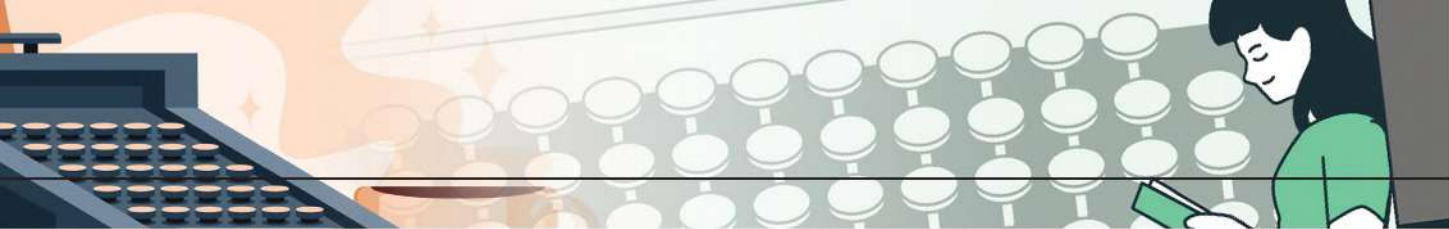
Существует мнение о том, что в период Средневековья подход к теме эвфемизмов уже существовал, и заключался в трех ключевых определениях: во-первых, эвфемизмы – это слова и выражения, заменяющие собою форму

суеверия и предубеждения; во-вторых, эвфемизмы – это слова и выражения, которые не могли использоваться в речи вследствие сдержанности собеседников; в-третьих, эвфемизмы – это слова и выражения, замещающие собой другие из соображения порядочности [10, с. 18]. В первом случае наиболее продуктивным решением нам представляется замена выражений, означающих нехороший признак, т.е. таких слов, которые, обладали определенной силой и мощью, способной навлечь беду. М.И.Зверева к этим эвфемизмам относит: «образные

КОГДА ИЗЯЩЕСТВОМ СЛОВА НЕОБХОДИМО БЫЛО «ОБОЙТИ» ЦЕЛЫЙ РЯД СОЦИАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ЗАПРЕТОВ»

замены слова «сделать последний вздох» или «душа отправилась к Богу» вместо умереть, а также образное название Сатаны – Лукавый» [3, с. 87]. По ее правильному замечанию: «Эвфемизмы второго типа выражали идеи, запрещенные моралью, и, как правило, были

связаны с сексуальностью и болезнью, а эвфемизмы третьего типа появляются только с XI века – их возникновение связывается с «поэтическим бумом», со временем творчества трубадуров, когда изяществом слова необходимо было «обойти» целый ряд социальных и религиозных запретов» [3, с. 87].

«Такие запреты возникают в сфере общественной жизни на разных ступенях развития общества и обусловлены различными факторами – религиозными, историческими, политическими, этическими и др.» [2, с. 552].

Аналогичной точкой зрения придерживается Б.А.Ларин, он упоминает о развитии древнейших эвфемизмов «в силу табу», где пишет, что: «еще на стадии первобытных суеверий «боязнь заклинаний, магического действия зова, прямого наименования породила запреты на слова (табу), породила деление на общие и «сокровенные» слова, дозволенные только жрецам, вождям. Взамен запретных слов создаются новые («подставные») наименования, чтобы не разгневать богов, обмануть нечистую силу или страшного зверя, чтобы задобрить их», – так писал о развитии древнейших эвфемизмов «в силу табу» [6, с. 110].

Разделяя мнения ученых, А.А.Реформатский определяет понятие для табу и эвфемизма: «Табу и эвфемизмы», поясняя свою мысль следующим образом: «Для замены табу слов нужны другие слова – эвфемизмы. Эвфемизмы – это замененные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [8, с. 99]. Представление о понятии «эвфемизма» как особенного, универсального речевого феномена, употребляющегося в коммуникативной среде, для замены запретной лексики «табу», и в наши дни пользуется большим успехом среди лингвистов.

Злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные

Б.А.Ларин, исследуя проблему эвфемизации, обращает внимание на то, что в основе речевого запрета, а именно табу, является понятие и представление необразованных, безграмотных людей в нужде обеспечить свою безопасность недоброжелательных проявлений таинственных сил. Он пишет, что: «Страх заставлял людей находить именованья, скрывающие свой предмет, отвлекающие от его узнавания, якобы превращающие силой словотворчества злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные» [6, с. 101-102].

Объединяя генеалогические осмысления понятия эвфемизма за рубежом и в Узбекистане, мы видим, как расширяется круг исследований теоретических проблем, что в принципе, обосновано и присуще для современной науки.

В современном обществе определенные запреты имеют, прежде всего, морально-этический подход к отрицательной, малопривлекательной, обценной, безнравственной, вульгарной лексике во всех сферах человеческой деятельности, особенно в быту. Данные языковые явления не присущи литературной норме и официально-деловой речи, но не смотря на это, не стоит забывать о том, что данный языковой феномен несет особенности национально-культурного речевого процесса, и является неотъемлемой частью общения среди людей.

Исследуя речевые запреты в отношении эволюции развития эвфемистического значения, можно сделать вывод, что древние табу и табу современного общения во многом совпадают. Древние запреты основывались на обычной жизни человека, например, рождением ребенка, приемом пищи, болезнями, свадьбами, похоронами, суевериями, страхами перед Всевышним и нечистой силой, сельскохозяйственным трудом и прочими видами деятельности человека. Но со временем появились новые запреты на понятия, связанные с человеком. Это развитие социальных и бытовых сфер жизнедеятельности человека, его пороки, преступления, физические состояния и физиологические недостатки, финансовое положение, гендерные особенности различных деликатных тем, и специфика культурного и общественного развития общества.

По справедливому замечанию М.А.Ковшовой: «Эвфемизмы в речевом общении дают возможность в речевой среде избежать конфликтов и коммуникативных неудач в речи. Они противоположны дисфемизмам (от греч. *dysphēmía* «дурнословие»), понимаемым как грубые слова и выражения, которые представляются в процессе коммуникации слишком грубыми, резкими, вульгарными, неприличными и могут тем самым негативно повлиять на осуществление общения» [5, с. 105].

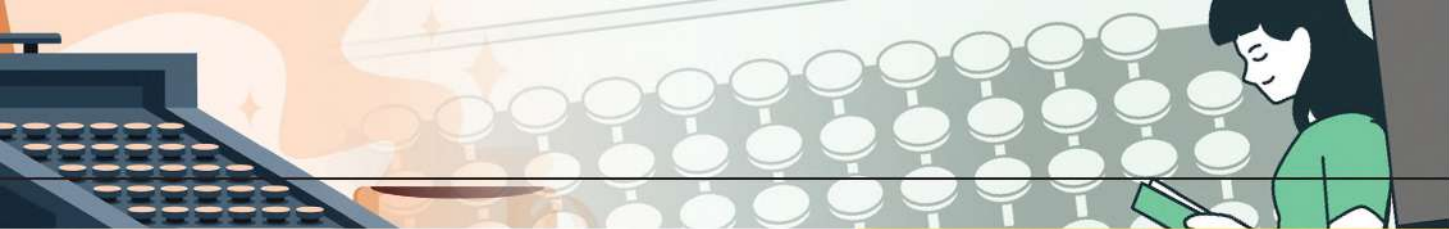
Узбекистанский лингвист Н.Исмагулаев в работе «Хозирги ўзбек тилида эвфемизмлар» дает довольно общее определение этому термину, подчеркивая, что «эвфемизм является речевым двигателем и средством культурной речи» [4]. Это довольно узкое определение, так как оставляет нерешенными ряд задач затрагивающих, в первую очередь, распространенность сферы употребления эвфемизмов, и не дает

Все указывает на то, что эвфемизм важен для собеседников в процессе общения, дабы заменить непристойную либо бестактную языковую действительность

точного разграничения с другими смежными языковыми явлениями в практике. Поэтому понятие эвфемизации языка нуждается в дальнейшем более глубоком исследовании, так как изучение языковых феноменов в данной области языкознания весьма актуальны.

Другой отечественный языковед А.Ж.Омонтурдиев в своей работе «Ўзбек нутукнинг эвфемик асослари» также акцентирует внимание на том, что «Эвфемизм—это замена негативного, неприятного, запретного слова либо целого выражения, наиболее корректным и благозвучным. Благодаря эвфемизму, появляется возможность исключить появления отрицательных эмоций и негативных чувств у участников общения. Эвфемизм представляет собой тот феномен, который помогает спрятать за призму благозвучия с более приятной формулировкой определенные факты действительности» [7, с. 17].

Следует отметить, что рассмотренные выше определения схожи между собой в определении эвфемизма. Все указывает на то, что эвфемизм важен для собеседников в процессе общения, дабы заменить непристойную либо бестактную языковую действительность. В большинстве своем выделяются такие основные принципы функционирования эвфемизмов, как: камуфлирование, завуалирование предметов сообщения с целью смягчения денотата. Ср. такие слова, как рус. обездоленный, сиротиночка,

сиротинушка, безматок, сирый, одинокий, брошечка, лишенный(ая) любви матери – эвфемизмы, называющие детей-сирот; узб. *gul yetim* (одинокий цветок), *yodgor, qadrcha* (память), *kimsasiz* (одинокие), *ko'ngli yagim* (обделенный душой), *mehrga zog* (нуждающийся в любви), *muhabbat mevalari* (плоды любви), *ona mehrga to'umagan* (не насытился материнской любви), *ota-onasi yo'q* (нет родителей), *tutqin qo'zi* (ягненок в плену), *qalbi o'ksik* (с разбитым сердцем) – эвфемизмы, используемые в узбекском языке заменяя слово *etim* (сирота).

Узбекскому национально-культурному менталитету вместо наименований *ota, dada, ona* свойственны такие обращения к родителям: *padar* (отец), *padari buzruk* (отец), *qiblagoh* (1) кыбла, святыня; 2) очень почитаемый, дорогой человек (отец, мать)), *ka'ba* (кааба, святыня), *valida* (мать), *validai mehribon, validai mushfiq, validai munis, validai aziza* (мать всего рода), в русском языке вместо мать, отец употребляют: родимые, матушка, мамочка, мамулечка, родительница, родитель, папочка, папулечка, родимый, батюшка; также вместо *o'qituvchi* используются при обращении к учителю в узбекском языке такие лексемы, как *domla, ustoz, mualem*, а в русском языке: мастер, наставник, просветитель и т. д.. Таким образом, можно отметить, что эвфемистические средства выражения в языке народа сохранили особенности речевого поведения феодального общества. Поэтому для комплексного изучения эволюции табу и эвфемизмов требуется, прежде всего, изучение языков племен, народов, наций и их способов поведения.

Рассматривая эвфемизацию узбекского языка, можно обратить особое внимание на некоторые этнические особенности и менталитет узбекского народа. Например, слово *ilon* (досл. змея) в узбекской национально-языковой культуре, на самом деле, является эвфемизмом для слова *shaqivchi* (кусающий, кусающийся). Ср. турецкие слова, обозначающие змею (*jilon, jilmoq, jiluvchi* (досл. ползучая, ползающая), *sudraluvchi* (досл. пресмыкающееся, рептилия)), *argon, arg'qmchi, olachilvir, qamchin* (веревка,

хлыст, кнут). В русском языке слово «змея» также заменяется эвфемизмами пресмыкающееся, ползучая, шипящая, злюка, подколодная.

Или же еще ряд узбекских эвфемизмов, таких как *gajdum, kajdum* (хвост крючком), используемые вместо слова *chayon* (скорпион), которые вошли в систему табуирования узбекского языка.

Тоже самое прослеживается и в работах российских ученых, которые утверждали, что слово медведь изначально было эвфемизмом (медведь – пчела), но позже было наложено табу для этого обозначения, и стали использоваться эвфемистические средства такие, как: лесник, хозяин леса, лесной правитель, Потапыч, торговец, медведь, косолапый, Михаил Иванович, Миша, лесной, барин, хост дубрав, ведмед, топтыгин, медведко, кадык, нескладекса, мишутка (если животное как-то именовалось до эвфемизма медведь, то оно было забыто). Вместо слова «скорпион» в русском языке использовались также эвфемизмы, как: членистоногий, хвостатый, жгучий хвост, длинный хвост. [8, с. 100].

В узбекском языке слова и словосочетания *bo'ri* (волк) *oq, oqish, oqboy, oq tUSDagi xayvon* (белый, белый зверь, белое животное, белохвостый олень) на самом деле является эвфемистическим именем для прямого наименования дикого животного. Позже произошел процесс табуирования (когда в памяти все равно было восстановлено понятие зверя) и заменено эвфемизмами *jondor, itkush* (живой, вольная собака). В сегодняшней речи пастухов наблюдаются такие эвфемизмы по отношению к волку, как *u, haligi, qaroligi, qago* (он, настоящий, ведомый, черный). В русском языке волка также называют эвфемизированными словами *серый, санитар леса, бирюк, лесной разбойник, переток, серый помещик, аука* и др.

В узбекском языке слово *tug'moq* (рождение) применялось только к человеку, а затем к животным. В более позднем развитии языка понятие рождения связано со зрением человека, спасением и т.д. Например, *ko'zi yog'moq* (раскрыть глаза), *qutulib olmoq* (избавиться, разрешиться); в русском языке используются эвфемистические средства, такие как разрешиться от бремени, произвести на свет, стать матерью.

По мере развития языка развивается и его эвфемистический слой. Возникают новые формы табу на основе новой морали, нового мировоззрения и, как следствие, новые эвфемизмы. В отличие от требований примитивного табу, вместо многих слов и фраз, ставших нормой, используются более удобные для него, более приятные для говорящего и слушателя фразы [9, с. 77].

Одно табуированное понятие может привести к появлению более чем одного эвфемистического инструмента. В таких случаях слова претерпевают определенное смысловое развитие – эволюционный процесс, изменение значения. Например, *qoraqurt* (каракурт) не стал синонимом слова *biy, qurt* (червь) потерял свое истинное значение, когда он использовался в смысле *qoraqurt* (каракурт), а значение абстракции возникло, когда его называли *o'gimchak* (паук) или *hasharot* (насекомое) и так далее.

✕

**Одно табуированное
понятие может
привести к появлению
более чем одного
эвфемистического
инструмента**

Выводы.

Таким образом, посредством данных диаграмм можно проследить процесс эвфемизации, который определяется в первую очередь, психологическим и социальными факторами. Здесь значимыми суждениями являются стыд, отвращение, страх, неприязнь, гнев или же наоборот, жалость, сожаление, сочувствие, сопереживание, продиктованные общепринятыми в мире нравственными ценностными ориентирами, что в итоге составляет зону табу.

Список использованной литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Сов. Энциклопедия, 1969. - 608 с.
2. Варбот Ж.Ж. - Табу // Русский язык: Энциклопедия. - М., 1997. - 552 с.
3. Зверева М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки / Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2017. №12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 86-90. ISSN 1997-2911.
4. Исмаилов Н. Эвфемизмы в современном узбекском языке: автореф. дисс. ...канд. филол.; наук. - Ташкент, 1963. - 19 с.
5. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. - М.: Гнозис, 2007. - 320 с.
6. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. - М., 1977. - 110 с.
7. Омонтурдиев А. Ўзбек нутқининг эвфемик асослари. - Тошкент: Халқ мероси, 2000. - 128 б.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 536 с.
9. Саттарова Е.А. Критерии эвфемистического смысла в русском и узбекском языках // Монография. - Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing: MoreBooks. - 2021. - 120 с.
10. Ruccella L. L'économiquement correct: analyse du discours euphémique sur la crise dans la presse française et italienne // Thèse en cotutelle internationale en vue de l'obtention du grade de Docteur en Sciences du Langage. P. - Torino, 2014. P. 17-44.